

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(475.5)«18/19»

Голикова Светлана Викторовна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург (РФ).

E-mail: avokilog@mail.ru

ПУТЬ К ВСЕОБУЧУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ТРУДНОСТИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Цель статьи – анализ становления и тенденций развития в пореформенный период второй половины XIX – начала XX в. народной школы в сельской местности Пермской губернии с точки зрения ее стратегической перспективы – перехода к всеобщему начальному образованию как неотъемлемой части процесса создания социокультурной среды нового времени.

Методы. Образование рассматривается с помощью институционального и системного подходов, а этап его развития в пореформенный период анализируется в контексте теории модернизации. При систематизации фактического материала чаще всего использовались историко-динамический анализ и сравнительно-исторический метод.

Результаты. Выявлены основные этапы и характерные черты развития начальной народной школы в сельской местности Пермской губернии до появления планов всеобщего и во время их реализации. Определена динамика образовательного процесса по числу учебных заведений и численности учащихся, установлены масштабы и участие в нем земства и православной церкви. Охарактеризован взгляд духовенства на церковно-приходские школы как особый тип образовательных учреждений. Обозначены трудности, с которыми государственная школьная политика столкнулась при реализации в сельской местности губернии планов всеобщего. Показано, что, несмотря на ускорение темпов развития школьного дела и значительные успехи в организации начальной массовой общеобразовательной школы, достигнуть всеобщего образования на селе в дореволюционный период не удалось.

Научная новизна. Обращение к истории начальной народной школы в свете «парадигмы всеобщего» задает четкий критерий оценки уровня развития системы образования и показывает, каким образом формировалась тотальная образовательная среда.

Практическая значимость. Результаты исследования и введенные в научный оборот факты могут быть использованы при подготовке учебных курсов по истории и социологии образования.

Ключевые слова: государственная школьная политика, всеобщ, начальное народное образование, земская школа, церковно-приходская школа, система образования как социальный институт.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-2-132-144

Golikova Svetlana V.

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Academy of Sciences, Yekaterinburg (RF).

E-mail: avokilog@mail.ru

THE WAY TO THE COMPULSORY EDUCATION (VSEOBUCH): ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION IN RURAL AREAS OF PERM PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. *The aim* of the publication is the analysis of formation and development of the primary school in the post-reform period in rural areas of the Perm province in terms of its strategic perspective which suggests transition to compulsory primary education as an integral part of the process of creating social and cultural environment of modern times.

Methods. Education is observed in terms of institutional and systemic approaches, and the post-reform stage of its development is analyzed in the context of the modernization theory. Historical-dynamic analysis and comparative-historical method are mostly used when systemizing factual data.

Results. The article reveals basic stages and characteristics of elementary public schools in the Perm province countryside during pre-vseobuch (compulsory education) period. The dynamics of the educational process in reference to the number of schools and enrollments is shown; the scale of the process and the participation of the «zemstvo system» (i.e. district council) and the Orthodox Church in it are estimated. The clergy's view on parochial schools as a special type of educational institutions is also described. Difficulties faced by public school policy during the implementation of rural compulsory education in the province are marked. It is shown that to achieve total literacy in the rural areas in the pre-revolutionary period was impossible in spite of the accelerated speed of the school education and substantial progress in the organization of the compulsory primary education.

Scientific novelty. Turning to the history of compulsory elementary schools in terms of the «compulsory education paradigm» offers the possibility to set clear criteria for assessing the level of development of the education system and show how the compulsory education environment was formed.

Practical significance. The results of the study and the facts introduced into scientific use can be adopted as a part of academic courses on the history and sociology of education.

Keywords: state school policy, compulsory education (vseobuch), basic public education, district school, parochial school, education system as a social institution.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-2-132-144

Всеобуч, как и его синоним «ликвидация неграмотности», в отечественной историографической традиции было принято относить к советской истории, к достижениям культурной революции в ходе реализации плана строительства социализма. В постсоветское время начали появляться исследования, связывающие данное явление с более ранней – до-революционной – эпохой. Они посвящены России в целом [8] или ее регионам [11, 13]. Подобные работы начинают появляться и об Урале [9, 20].

Всеобщность обучения – это не просто очередное количественное достижение в истории начальной школы. Переход к всеобучу означал важные качественные изменения, обуславливал новый виток развития образовательного процесса. «Великие реформы» 60-х гг. XIX в. имели целью приведение системы образования в соответствие с социально-экономическими потребностями страны, рассматривали его как залог прогресса, связывая будущее России с грамотным и образованным населением. Обучение широких масс было признано задачей государственной важности. В 1890 г. священник села Мехонского Шадринского уезда И. Мышкин писал: «...дело народного образования есть вопрос современный и весьма большой важности, к наилучшему разрешению которого призваны все, да и само правительство давно уже усиленно занимается им» [12, с. 843].

Одним из итогов пореформенного периода в сфере образования стало появление и развитие начальной народной школы, прежде всего в сельской местности, до масштабов, позволивших с конца XIX в. в общероссийском масштабе ставить вопрос о всеобуче. «В начале XX в., – отмечает современный исследователь И. В. Зубков, – требования о введении всеобщего обучения раздавались буквально отовсюду. Чаще всего они исходили от земских собраний и городских дум, которые нередко приходили к выводу о невозможности осуществить те или иные намеченные меры «ввиду крайнего невежества большинства населения», они не смолкали в педагогической печати, с ними обращались к правительству самые раз-

нообразные съезды, позднее они вошли в программы практически всех политических партий». Своеобразный общественный консенсус в раздираемой противоречиями стране стал возможным, поскольку, по мнению данного автора, «во всеобщей грамотности видели тогда необходимое условие для достижения страной лидирующих позиций в мировой экономике, а также панацею от многих застарелых общественных недугов» [8, с. 62].

Благодаря появлению всеобщей начальной народной школы система образования Российской империи обрела мощный фундамент. Курс на тотальное начальное образование получил в то время интернациональный характер. Развитие системы образования по всему миру в XX в. вообще связывают с так называемой «парадигмой всеобщего», отказываться от которой не спешат по сей день. Значимость и актуальность данного явления для истории образования постепенно осознается историографией, и следует ожидать исследований, посвященных теории и практике внедрения всеобщего в дореволюционные и советские годы, тем более что процесс этот был непростым и в региональном разрезе обладал рядом особенностей.

История народного образования Урала к пореформенному времени уже имела достижения, обусловленные историческим развитием региона. Край обладал развитой системой горнозаводского образования, которая сформировала позитивное отношение к школе у жителей заводских поселений. Даже при закрытии в пореформенное время предприятий (что случалось нередко) и переориентации населения на другие, в том числе сельскохозяйственные, занятия традиции обучения детей оставались в силе. Инспектор народных училищ А. П. Орлов в 1872 г. сообщал: «В Нердвинском селе был прежде железный завод, существовавший здесь довольно продолжительное время, и потому местное население издавна сознало иметь необходимость иметь у себя школу, которая, благодаря счастливому подбору учащихся лиц и пособиям со стороны владельца, упрочилась здесь и заслужила со стороны местного населения вполне справедливое доверие и заслуженное уважение; вот почему, просматривая классный журнал, мне пришлось убедиться в весьма аккуратном посещении уроков учениками, а учитель заявил мне, что здесь уже довольно давно крестьяне поняли необходимость отдавать своих детей в школу в определенное время, именно в начале учебного года» [15, с. 45]. На Урале присутствовала и значительная доля старообрядческого населения, традиционно имевшая более высокий уровень грамотности.

Главным двигателем развития начального народного образования в пореформенное время стало губернское земство, которое активно приступило к развертыванию школьной сети в сельских районах. В первый

год своей работы земство открыло 84 новых начальных училища, в 1886 г. оно уже располагало 693 учебными заведениями. Особенно масштабные темпы земское школьное строительство приняло в первой половине 1870-х гг.: до 1876 г. в среднем годовой прирост составлял 49 новых школ, в дальнейшем, до 1886 гг., – 20. Соответственно увеличивалось число учащихся: до 1875 г. наполняемость школ возрастала на 3364 ученика в год, в первой половине 1880-х гг. – на 2286, во второй – на 2477. В 1886 г. земство обучало в начальных школах почти 50 тыс. детей [5, с. 140–141]. Его усилия были по достоинству оценены современниками. Священник Шадринского уезда И. Мышкин писал: «... земство наше в продолжение немалого числа лет отличалось между прочим особенным старанием и заботой о постановке школьного дела ... на надлежащую высоту» [12, с. 843].

С середины 1880-х гг. к делу начального народного образования власти активно подключается духовенство. На основании высочайше утвержденных 13 июня 1884 г. Правил о церковно-приходских школах (ЦПШ) предпринимается попытка дополнить светскую массовую начальную народную школу подобною же духовною. В 1885 г. в Пермской губернии было образовано 16 церковно-приходских школ, в 1886 г. – 19, в 1888 г. – 31. В 1891 г. их уже насчитывалось 122. По сведениям Д. М. Бобылева, в начале XX в. ведомство Святейшего синода курировало в губернии 141 церковно-приходскую школу и 417 школ грамотности, также находившихся в его ведении [3, с. 73–74].

Обычно ЦПШ возникали в населенных пунктах, обойденных вниманием земства. Еще в 1913 г. наблюдатель церковно-приходских школ Екатеринбургской епархии А. И. Обтемперанский отмечал: «Церковные школы, как известно, обслуживают по преимуществу население более или менее глухих и отдаленных сел, деревень и приисков, тех селений, куда всякая другая школа еще не проникла или вследствие отдаленности места или вследствие бедности населения, которое по прежнему положению должно было наполовину участвовать в строительстве и содержании школы». Данный автор описал и процесс естественного разрастания школьной сети под руководством духовенства: «В таких местах обыкновенно при помощи церкви или при помощи добрых людей возникала сначала элементарная школа грамоты, которая благодаря самоотверженному труду учащихся скоро превращалась уже в настоящую начальную церковно-приходскую школу с 3-х или 4-х годичным курсом» [14, с. 210].

Духовенство считало церковно-приходские школы не «подспорьем» школьной сети, выстраиваемой светскими учреждениями, ибо при такой постановке вопроса ЦПШ неминуемо оказывались «худой копией» земских училищ; а отводило им роль «совершенно самостоятельного оригинального

типа» учебных заведений. Их отличительным признаком являлась «церковность», которая «должна проявляться во всем, что делается в школе» [7, с. 1150–1152]. Цель этого вида училищ состояла именно в религиозном просвещении детей. Священник Вознесенской церкви села Черемховского Камышловского уезда Г. В. Будрин полагал, что его прихожанам «крайне нужны школы, но школы церковно-приходские, в которых бы все дышало церковным, божественным» и признавал, что в открытой им школе сельские ребятишки «учатся, конечно, писать и считать; но это не главное, а второстепенное занятие» [4, с. 628].

Начальные школы, находившиеся в ведении церкви, принято считать порождением контрреформ Александра III. Однако к их оценке с точки зрения ликвидации неграмотности стоит подойти прагматично, учитывая значительный потенциал, который имелся у официального православия в деле создания и курирования школьного дела и который правительству удалось направить на нужды образования. Священник М. Троицкий, критикуя попытки общественности на волне первой русской революции отстранить священников от школьного дела, перечислил бонусы, которые в копилку начального народного образования внесла церковь. «Отняв у духовенства школы, – отмечал он, – либеральные реформаторы разом лишат Россию десятков тысяч безвозмездных школьных деятелей». Действительно, церковь предоставляла обществу «даровых школьных деятелей» в громадном количестве. Причем приходское духовенство было опытными учительскими кадрами, более чем удовлетворительными для решения задач, стоящих перед начальным образованием. Упомянул он и о «громадных суммах, ежегодно духовенством изыскиваемых на содержание церковных школ», которые благодаря этому «требуют от государственного казначейства весьма мало средств» [21, с. 729–730]. А. И. Обтемперанский указывал и на «немалую заслугу духовенства» в победе над «народным предрассудком против просвещения», который заключался во «взгляде на обучение как на барскую затею». «И только учреждение церковных школ, – подчеркивал он, – стало постепенно рассеивать этот предрассудок. Когда мальчишку начинал учить дьячок или поповский сын по псалтири, то крестьянин думал, что это надо для спасения души...» [21, с. 992].

Динамичное развитие данного сегмента образования подтверждается сведениями Училищного Совета: к 1897 г. на территории Екатеринбургской епархии, охватывающей зауральские уезды Пермской губернии, наряду с 386 земскими и министерскими учебными заведениями функционировало уже 335 церковных школ. Правда, последние стоит признать небольшими по наполняемости, поскольку их посещало всего 9215 учащихся-

ся, а в светских школах обучалось 30 191 человек [6, с. 624]. Однако в 1896 г. уже была поставлена практическая задача об учреждении второклассных церковно-приходских школ [17].

Эксперимент государства по привлечению церкви к развитию школьной сети и увеличению количества учащихся в начальном сегменте образования следует признать вполне удачным, особенно на фоне хронической проблемы народной школы – заканчивало ее намного меньше детей, чем поступало. Согласно П. А. Голубеву, из 75 тыс. учащихся Пермской губернии полный курс в 1901 г. окончила лишь седьмая часть детей (10 806 человек) [5, с. 141]. Эта пропорция показывает, что родители учеников воспринимали начальную народную школу не более как место ликвидации неграмотности. «Поучился и будет с него, а теперь пора приниматься за соху», – озвучивал их позицию писарь Знаменской волости Ирбитского уезда М. Беззубов, добавляя, что подобных убеждений по отношению к своим детям придерживается еще большинство сельчан, которые «не стремятся после школы к приобретению дальнейших познаний; не сталкиваются с печатным словом» [1, с. 29].

В данной ситуации деятельность православной церкви, которая, по выражению одного священнослужителя, «дала родине не одну тысячу грамотных», несомненно, приближала введение всеобщего. Священник М. Троицкий по этому поводу писал: «Поле педагогической деятельности настолько широко, спрос на грамотность так велик, а рассадников народного просвещения сравнительно столь мало, что, право же, по меньшей мере очень странно со стороны различных ведомств тормозить друг другу хотя бы в открытии начальных школ!.. Кто бы ни учил, только бы учил! Кто бы ни просвещал, только бы просвещал светом книжного учения деревенские темные невежественные массы!.. Пусть будут одни школы получше, другие похуже – беда не велика... Пусть даже наши именно школы стоят в третьем разряде (в первом – министерские, во втором – земские)... Значит ли это, что они вредны, что их нужно гнать, стараться стереть с лица земли?!». На этот риторический вопрос автор отвечал отрицательно, заключая: «Не блещут наши церковные школы богатствами зданиями, большими учительскими окладами и шикарнейшей обстановкой, но просвещают народ ничуть не хуже, нежели и школы министерские и земские» [21, с. 732–733].

Траектория развития моделей земского и церковного образования имела много общего: количественный рост до определенного уровня сменялся переносом внимания на качество учебных заведений. С середины 1880-х гг. земство заметно меняет тактику в области народного образования и замедляет темпы открытия учебных заведений: во второй половине 1880-х гг.

добавилось всего 22 новых училища, а в первой половине 1890-х г. открылось еще 31 [5, с. 141]. Обозревая историю церковных школ, М. Троицкий признал, что в середине 1880-х гг. «погнались было лишь за количеством школ, довольствуясь каким угодно качеством», но «за последние годы вновь открывать церковные школы разрешается лишь в самых редких случаях... все усилия предлагается употреблять на улучшение существующих уже школ» [21, с. 734]. Переход к всеобщему означал смену приоритетов в образовательной политике.

Чтобы обеспечить равный для всех детей доступ к обучению, следовало увеличить темпы школьного строительства. Современники именно так понимали суть введения всеобщего: «.... покрывать Россию сетью все новых и новых школ...». Отвечая на анкету губернского земства о значении грамотности для народа, житель Бедряжской волости Осинского уезда указывал на существенную нехватку образовательных учреждений: «...на 5 тыс. жителей только одна школа в которой помещается по нужде 90 мальчиков». Он сетовал на то, что здоровье школьников страдает от такой переполненности учебного заведения: «...всегда заражаются какой-нибудь болезнью от спертного воздуха» [2, с. 6]. Кипучая деятельность по учреждению новых школ получает очередной импульс именно в связи с реализацией планов всеобщего: с середины 1890-х гг. ежегодно открывается по 44 светских школы, к 1901 г. их насчитывается уже 968, а число учащихся в них достигает 74879 человек [5, с. 141].

Общедоступность начальной школы обеспечивалась наличием образовательного учреждения в каждом населенном пункте или объединением нескольких мест проживания людей в школьный район с радиусом не более 3 верст. Проблема доступности школы для любого ребенка, проживающего в сельской местности, стояла перед начальным народным образованием со времени его становления. Инспектор народных училищ Пермской губернии А. П. Орлов столкнулся с ней, обозревая подведомственные ему учебные заведения уже в 1871 г.: «... мальчики из ближайших к школе деревень принуждены... приходить в село, где имеется школа, на целую неделю, помещаясь на все это время или в самой школе, если это возможно, или же у родственников и знакомых» [16, с. 72]. Однако при открытии земства вопрос гарантии доступа к образованию стоял не так остро, как в начале XX в. При введении всеобщего положение кардинальным образом изменилось – к этому времени увеличилась тяга крестьян к образованию. «... многие хозяева нашей деревни желают, чтобы в каждой деревне была школа и тогда бы каждый крестьянин учил бы своих детей», – сообщали из Байкаловской волости Ирбитского уезда в ответ на анкету губернского земства о пользе грамотности [2, с. 5].

Вопрос об «иномдеревенских» учащихся превращался в своеобразный маркер реализации планов всеобуча. По данным инспектора народных училищ Пермской губернии А. П. Раменского, «на 1 января 1904 г. из 87 949 учащихся насчитывалось иномдеревенских, или живущих вне селений, где находятся училища, около 28 000, из них проживающих на расстоянии далее 3-х верст от школы было около 800». Наибольшее число приходящих учеников давали северные уезды – Соликамский, Чердынский и Верхотурский. До 200 ученических общежитий и ночлежных приютов (в Чердынском уезде их было 33, в Соликамском – 24, в Верхотурском – 22, в Осинском – 28) вмещали около 3500 учащихся. Примерно такое же количества детей оставалось ночевать в непогоду просто в школьных зданиях [18, с. 62–63].

Здесь мог пригодиться опыт Шадринского уездного земства, которое еще в 1880-е гг. предпочло развивать дело образования вглубь, сместив свое внимание с сельских народных училищ на школы грамотности, которые, по словам современника, стали «родным детищем» земцев. К 1890 г. на территории уезда их насчитывалось более 60 и они позволяли обучать «детей крестьян, живущих по деревням», которые «не всегда имеют возможность посещать училища, находящиеся большей частью по селам, где и волостные правления» [12, с. 843, 846].

Переход к всеобучу наряду с ускоренным школьным строительством означал определенный уровень единообразия в различных типах школ. Однако на пути к этой цели вместе с объективными обнаружились субъективные трудности. Перипетии становления и развития образования привели к межведомственным антагонизмам. Пермская губерния (как большинство территорий страны) имела два, а с учетом министерских училищ и больше школьных «миров». Духовенство, например, считало подведомственные им школы не просто сегментом системы образования, а «церковно-школьным миром». Земские деятели также стремились подчеркнуть, а не размывать границы между светской и духовной школами. «Церковная школа – дочь церкви и ее главная союзница в деле религиозно-нравственного воспитания народа», – писал М. Троицкий об особом значении ЦПШ. Но даже он понимал, что стремление к однородному для всех начальному обучению, основанному на общих программах – требование скорее организационное: «Весьма естественно, что в связи с введением в России всеобщего образования типы всех трех школ: министерской, земской и церковно-приходской будут приведены к одному общему знаменателю» [21, с. 729, 730].

Хотя позиция другого духовного лица – «...теперь не о типе школ нужно толковать, а скорее тем или иным путем ввести в стране всеобщее

обучение...» [10, с. 76], – также правомерна, особенно в связи с пробуксовыванием внедрения всеобуча. К начальному всеобщему обучению в Пермской губернии приступили в последние годы XIX в. Проект всеобуча Камышловского уезда, например, был датирован 1898 г. Однако долгое время благие намерения оставались на бумаге. Сообщая в 1900 г. о введении уже во всей Пермской губернии намеченного плана всеобщего обучения, П. М. Сивков признавал, что «в Шадринском уезде ежегодно около 20 тыс. детей обоего пола не имеют возможности поступить в школу... В Оханском уезде лишены возможности учиться около 52% мальчиков и 87% девочек за недостатком училищ» [19, с. 4–5, 13].

Анализируя подготовительные работы по введению всеобуча Министерства народного просвещения, И. В. Зубков пришел к выводу, что «к 1917 г. центр страны стоял у порога всеобщего обучения» [8, с. 85]. На окраинах России наблюдалась иная картина. Исследование Н. Н. Наумовой показывает: в восточносибирских губерниях делалось многое для развития начального народного образования, однако до всеобуча было еще далеко [13, с. 438–439]. Подобным же образом дело обстояло на Урале. Недостаточное развитие школьной сети и переполненность имеющихся учебных заведений приводило к тому, что «одно училище в 1905 году обслуживало район в 137,6 кв. верст с населением в 1509 душ; на каждое училище приходилось 134 детей школьного возраста». Отставание сельской местности от города не сокращалось, а увеличивалось: за бортом образования в селах осталось 171 249 детей школьного возраста, а в городах – 3274 [10, с. 77]. Наметилось и зональное различие. Подводя первые итоги реализации планов всеобуча, инспектор народных училищ признал, что «общедоступность начального образования может быть достигнута в южной части губернии в менее продолжительный период времени, нежели в северной» [18, с. 44].

Таким образом, идея всеобщего обучения оставалась труднодостижимой в реальности, и практики школьного дела чаще всего оценивали реализацию планов всеобуча с помощью отрицательной частицы «не»: «Нас, работников на ниве народного образования далеко-далеко не хватает. Нас, быть может, нет даже половины того, сколько нужно. Какой громадный процент детей школьного возраста остается в России за бортом школы. Десятки тысяч деревень ждут не дождутся, когда наконец будут и у них открыты какие-либо школы. Потребность всеобщего образования становится острее и острее. Нужда эта за последнее время прекрасно уже признана всеми. На удовлетворение ее не хватает ни у государства, ни у какого отдельного ведомства средств...» [21, с. 737].

*Статья рекомендована к публикации
д-ром пед. наук, проф. А. Ф. Закировой*

Литература

1. Беззубов М. О грамотности в народе (сообщение из Знаменской волости Ирбитского уезда) // Сборник Пермского земства. 1900. № 3. Отд. 3. С. 28–29.
2. Бобылев Д. М. Народная школа и значение грамотности в отзывах крестьян // Сборник Пермского земства. 1901. № 4. Отд. 3. С. 1–13.
3. Бобылев Д. М. О времени учреждения народных школ в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1900. № 2. Отд. 3. С. 69–76.
4. Бударин Г. В. Церковно-приходская школа в Черемховском селе Камышловского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 28. Отд. неофици. С. 627–631.
5. Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1904. 156 с.
6. Духовный. Заметки о церковно-школьном деле // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1897. № 22. Отд. неофици. С. 621–626.
7. Законоучитель. Кое-что о церковно-приходских школах // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1888. № 49–50. Отд. неофици. С. 1150–1154.
8. Зубков В. И. Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // Российская история. 2013. № 2. С. 62–86.
9. Кальсина А. А. Образовательная деятельность Пермского земства в начале XX века: вопрос о введении всеобщего начального обучения // ВУЗ. XXI век. 2014. № 3. С. 166–174.
10. М-в Д. И. Две школы // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 3. Отд. неофици. С. 71–78.
11. Мамкина И. Н. Введение всеобщего начального образования в Восточной Сибири в 1909–1917 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 14. С. 18–25.
12. Мышкин И. Несколько слов о поддержании школ грамоты средствами земств // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1890. № 36. Отд. неофици. С. 842–847.
13. Наумова Н. Н. Школьная реформа П. А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2015. С. 432–439.
14. Обтемперанский А. [И.] Из церковно-школьной жизни епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 8. Отд. неофици. С. 209–212.
15. Орлов А. П. Обзорение некоторых начальных народных училищ Пермского и Соликамского уездов // Сборник Пермского земства. 1872. ноябрь-декабрь. С. 22–78.
16. Орлов А. П. Сведения о состоянии начальных народных училищ Пермской губернии за 1871 год // Сборник Пермского земства. 1872. июль-август. С. 61–86.
17. Разъяснения по устройству и организации второклассных церковно-приходских школ // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1896. Отд. неофици. № 38. С. 981–989; № 40–41. С. 1049–1059.

18. Раменский А. П. Начальное народное образование в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1905. № 3. Отд. 3. С. 39–74.
19. Сивков П. Некоторые данные о положении начального народного образования в Пермской губернии в 1898–99 учебном году // Сборник Пермского земства. 1900. № 4. Отд. 3. С. 1–18.
20. Суворова А. В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
21. Троицкий М. Кое-что о школьном деле // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1906. № 22. Отд. неофици. С. 728–738.

References

1. Bezzubov M. On literacy among the people. Message from the Znamenskaya volost of Irbitsky County. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1900. № 3. Division 3. P. 28–29. (In Russian)
2. Bobylev D. M. Folk school and the importance of literacy in peasants' reviews. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1901. № 4. Division 3. P. 1–13 (In Russian)
3. Bobylev D. M. On the period of the establishment of public schools in the Perm province. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1900. № 2. Division 3. P. 69–76. (In Russian)
4. Budrin G. V. The parochial school in the village Cheremkhovo of Kamyshevsky County. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1886. № 28. P. 627–631. (In Russian)
5. Golubev P. A. Istoriko-statisticheskie tablicy po Permskoi gubernii. [Historical and statistical tables of the Perm province]. Perm: Tipografija Gubernskoj Zemskoj Upravy. Publishing House of the District Council]. 1904. 156 p. (In Russian)
6. Dukhovny. Notes on the church and school affairs. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1897. № 22. P. 621–626. (In Russian)
7. Zakonouchitel. Something about parochial schools. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1888. № 49–50. P. 1150–1154. (In Russian)
8. Zubkov V. I. Ministry of Education and preparation for the introduction of compulsory education in Russia. *Rossiiskaja istorija. [Russian History]*. 2013. № 2. P. 62–86. (In Russian)
9. Kalsina A. A. Educational activities of Perm district council in the beginning of XX century: the introduction of compulsory primary education. *Universitet. XXI vek. [University. XXI Century]*. 2014. № 3. P. 166–174. (In Russian)
10. M-v D. I. Two schools. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1907. № 3. P. 71–78. (In Russian)
11. Mamkina I. N. Introduction of compulsory primary education in East Siberia in 1909–1917. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istorija». [Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»]*. 2015. № 14. P. 18–25. (In Russian)

12. Myshkin I. A few words about the maintenance of grammar school by the means of zemstvo. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1890. № 36. P. 842–847. (In Russian)
13. Naumova N. N. School reform of P. A. Stolypin: the experience of the introduction of compulsory education in Eastern Siberia (1906–1917). *Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. [Irkutsk Historical-Economic Annual]*. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet. [Baikal State University]. 2015. P. 432–439. (In Russian)
14. Obtemperansky A. [I.] From the church and school life of the diocese. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1913. № 8. P. 209–212. (In Russian)
15. Orlov A. P. Review of some elementary public schools of Perm and Solikamsk districts. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1872 November-December. P. 22–78. (In Russian)
16. Orlov A. P. Information on the status of primary public schools in the Perm province for 1871. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. July-August, 1872. P. 61–86. (In Russian)
17. Clarification on the structure and organization of second-class parochial schools. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1896. № 38. P. 981–989; № 40–41. P. 1049–1059. (In Russian)
18. Ramenskiy A. P. Primary public education in the Perm province. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1905. № 3. Division 3. P. 39–74. (In Russian).
19. Sivkov P. Some data on the situation of primary public education in the Perm province during the 1898–99 school year. *Sbornik Permskogo zemstva. [Collection of Perm District Council]*. 1900. № 4. Division 3. P. 1–18. (In Russian)
20. Suvorova A. V. Razvitie sistemy nachal'nogo obrazovaniya v Orenburgskoi i Ufimskoi guberniyah (nachalo XX v. – 1914 g.). [Development of primary education system in the Orenburg and Ufa provinces (the beginning of XX century – 1914)]. Abstract of cand. diss. Chelyabinsk, 2012. 29 p. (In Russian)
21. Troitskiy M. Something about school affairs. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. [Yekaterinburg Eparchial Journal]*. 1906. № 22. P. 728–738. (In Russian)